

БРОСАЙ ПОРТФЕЛЬ И ИДИ МОЛОТИТЬ...

Исследовательская работа Николая Бабурин и Андрея Бредникова «Война глазами детей» вызвала живейший интерес на городской конференции «Наши герои. Наши победы». Студенты автомеханического колледжа изучили сведения о жизни ярославцев в тылу на примере воспоминаний детей войны

В боях Великой Отечественной войны участвовали около 550 тысяч жителей области, призванных военкоматами. С войны не вернулись более 200 тысяч жителей Ярославской области. В октябре 1941 года линия фронта максимально приблизилась к границам Ярославской области. Ситуация стала чрезвычайно опасной, поэтому по решению ГКО 24 октября 1941 г. в крупных городах области были созданы чрезвычайные органы власти — городские комитеты обороны. Осенью 1941 г. область стала прифронтовой и в любой момент могла превратиться в арену боевых действий. Именно в эти месяцы налеты вражеских бомбардировщиков, которые начались с первых недель войны, стали чуть ли не обычным явлением.

Бомбардировки наносили значительный материальный ущерб городу. Только за октябрь 1941 года произошло около ста групповых и одиночных налетов немецкой авиации. Фашисты стремились уничтожить важные объекты Ярославля — вокзалы, промышленные объекты.

Вспоминает Александра Александровна Артамонова: «Дом наш находился недалеко от Московского вокзала, его немцы пытались разбомбить. Во время бомбежек мы бегали через дорогу, в дома на Суздальку или прятались в картофельных полях».

Далекий от центра города Нижний поселок тоже подвергался налетам фашистской авиации. Рассказывает Василий Николаевич Андреев: «Когда началась война, мне было шесть лет. Наша большая семья — родители и семь детей — жили в бараке на Нижнем поселке. С началом войны начались бомбежки. Бомбили железнодорожный мост. Осколки летели до Среднего и Нижнего поселков. Меня чуть не грохнуло, когда я выходил из дома».

Крупнейший авианалет на область начался 9 июня 1943 года, он продолжался полтора часа. В результате этой бомбарди-

ровки был почти полностью разрушен шинный завод. Второй крупный авианалет на Ярославль произошел в ночь с 20 на 21 июня. Около ста немецких бомбардировщиков были встречены десятками истребителей из ПВО Москвы — 1 вражеский самолет был сбит. На город было сброшено 1366 авиабомб общим весом 130 тонн, из них 330 фугасных, 1036 зажигательных.

Подростки — учащиеся техникумов и ФЗУ — уходили из учебных заведений на заводы и фабрики, заменяя ушедших на войну отцов и братьев. Вот что рассказывает Светлана Борисовна Диунова, опираясь на воспоминания своего отца Бориса Ивановича Диунова: «В войну детство заканчивалось рано. Если ребенок дотягивается до станка — все, может работать. С 12 лет отец работал на токарном станке на заводе «Пролетарская свобода». Законы были суровые: опоздаешь на работу — в тюрьму сядешь. Если тебе там руки-ноги оторвет, тоже никому дела нет. Не суй руки куда не надо! Но молодость брала свое, несмотря на усталость, вечерами подростки и пели, и танцы устраивали, и хулиганили, и в кости играли, и с горок катались».

Трудно жилось детям в городе. Свой рассказ продолжает Александра Александровна Артамонова: «Продукты отпускались по карточкам, еды не хватало. Ели «тошнотики» — оладьи из картофельных очисток. Когда мне было пять лет, я стояла целую ночь в очереди за хлебом, мама в это время была на работе. Один раз карточки в очереди у меня вытащили, и мы сидели впроголодь целый месяц. Сумели завести козу, и мне приходилось ее пасти, хотя ее я очень бо-

Александра Артамонова в группе детей.

ялась. В первый класс пошла в школу № 16 имени Н. Подвойского. Школа была деревянная, в классах — высокие круглые печи, уборщицы их рано утром топили, мы грелись у теплых боков печи. Летом ходили за Лучинское по ягоды, за современный НПЗ за орехами. А праздники все равно отмечали. На Новый год устраивали елки с подарками, все ходило по очереди в гости друг к другу. Игрушки делали сами — цепи из бумаги, гармошки. За елкой ходили в Ларино, где теперь последняя проходная НПЗ, брали санки и пешком шли туда и обратно».

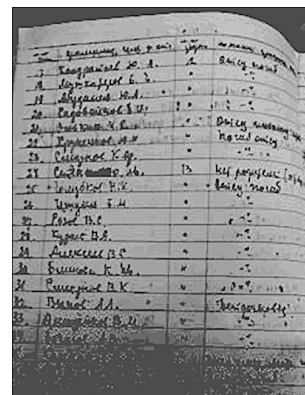
А вот воспоминания Нины Николаевны Андреевой: «Когда началась война, мне исполнилось 4 года. Отца забрали на фронт в Ярославскую дивизию. Под Смоленском их разбили всех, отцу оторвало челюсть, пол-языка осталось. Если бы не застонал, не подобрали бы, думали, что мертвый. Привезли его сначала в Ярославль, потом в Москву, в госпиталь Бурденко, отрезали кожу от груди, пришили к подбородку. Помню себя с 1-го класса, с 1944 года. В школу идти вчетвером, сапоги одни — резиновые. А воды весной было по колено... В войну мать работала на станции, нам дали комнату с соседями. В 12-метровой комнате нас жило пять человек. Получали буханку черного хлеба на всех и делили. На день давали эту норму по карточкам. Сажали картошку, но на всю зиму ее не хватало. Как начнется стрельба, станция сразу выключалась.

ла поселок — чтобы света не видно было. Со второго этажа мы уходили на первый. Было очень страшно».

Еще труднее жилось детям на селе.

Из воспоминаний Тамары Федоровны Чернышевой: «Я и два младших брата не сидели сложа руки. В 13 — 14 лет они уже трудились — выполняли и посильную, и непосильную для них работу. Я возила на лошади бревна из леса. Лес валили взрослые, они помогали грузить телегу. Спина болела сильно, зимой работали по пояс в снегу...»

Рассказывает Валентина Павловна Пахова: «Наша семья состояла из 7 человек: отец, мать и 5 детей. Мать работала в колхозе, заработала на пенсию 12 рублей. В войну много работали. А придешь домой — и есть-то нечего. Натрем очистки картошки, с другой картошкой, вареной, сомнем и испечем что-нибудь. Мама напарит чугунок картошки с маслом. Ездили на Профинтерн, глюкозу кусками нам давали на трудодни вместо сахара. Еще ездили за дровами. Часть из них по дороге обменивали на ведро патоки. Ели ее с чаем. Чай был плитками: из ягод, яблок, фруктовый. В школу я пошла с 9 лет. Ходили туда всей семьей с одной деревянной сумкой. Пешком, три километра было до школы. Писали на жестяных книгах мамы и бабушки — больше не на чем было. Брат 7 классов окончил, остальные по 4. А сестре сказали: «Бросай

Книга приказов автомеханического техникума, согласно которой от платы освобождались студенты, потерявшие на войне отца.

портфель и иди молотить, иначе сотки земли отрезут». Были огородные бригады, сажали табак, капусту... Когда мы подросли, стали косить зерно, сушить. Работали и на лесоповале. Девять километров ходили, чтобы пилить. Но какие из нас лесорубы! Два раза нас посылали, два раза убежали... Нищих в войну много было. Мы нищих кормили, я им носила картошку».

Жить в войну было очень тяжело, выживал каждый по-своему.

Вспоминает Тамара Федоровна Чернышова: «Мой маленький братик до трех лет не ходил, потому что еды не было почти. Мы по полю ходили, после собранного урожая колоски собирали. Поле запорошено, земля уже замерзшая. Я насобираю, натру в мельнице муки и брату Ваньке лепешек испеку, подкармливала его как могла. Летом кормил лес. Все шло в еду: как первая трава пошла — крапива, лебеда, все это ели. Собирали ягоды в лесу и

носили на станцию продавать. Солдаты спрашивали: «Эй, тетка, почему тебя ягоды?», а это были девочки 13 — 14 лет».

К концу войны в Ярославле появились пленные немцы. На Среднем поселке их поселили в бывшем доме пионеров, который жители прозвали «дивизион».

Из воспоминаний Василия Николаевича Андреева: «Пленных немцев приводили конвоиры на карьеры плотину делать. Еще они на станции работали, вагоны разгружали. Поглядеть — обыкновенные люди. Шутили с нами, говорили по-русски. Я подумал — для чего война, такие же люди...»

Ярославль не был городом, где проходили сражения. Но война своим черным крылом коснулась каждого. Голод, страх перед бомбежками, непосильный труд — все это вынесли дети войны. С каждым годом события Великой Отечественной отдаляются от нас. Уходят из жизни ветераны, постарели маленькие свидетели тех лет — те, кто детьми пережил тяжелые военные годы. Поэтому очень важно успеть собрать свидетельства жизни военной поры, запечатленные в памяти детей войны, — считают авторы исследовательской работы.

Анастасия СОЛОВЬЕВА
Фото из архива.